

ВИТАЛИЙ ЛЕХЦИЕР

Шашлык в "Рождествено" (наверно, с Рождеством названье связано, я не входил в детали), шашлык под водочку - растеньем, естеством себя почувствуешь. Соседские коровы буквально хрумкали трескучую траву, - похожие на нас, они со знанием дела свою излюбленную пищу уплетали и морды долгие врацали, и мотали хвостами верткими, и весело летали по-маркшаголовски, что значит, наяви.

И айсберг крохотный держался на плаву и в воду прятался, выпрыгивая с ношей, еще трепещущей и рвущейся обратно - ее увертливую складывать приятно в мешок, прихваченный с собой не без усмешки - сорожкой дымчатой, подцепленной не в спешке, орлом и решкой.

Футбол на пристани - лупи во все концы, осоловевшие сторонятся жильцы. Волна раскачивает брошенный понтон - то в обе щеки дует Посейдон. Мангаль дымящийся, зовущий на обед, шашлык под водочку с салатом на послед, и угль пылающий показывает нрав: осанка сморщилась у сгорбившихся трав, судьба каленая, обуглившийся лик, петрушка смертная, кинза и базилик.

* * *

Трамвай исполняет партию - отрывистый бред колес, мужик, от земли поднявшись, затарился - звон стоит, в вагоне трещит железка, девица идет вразнос, когда методично бедрами, как ведрами, шевелит.

Автобусной остановки проржавлен конструктивизм, с обрывками фраз прискорбных, последних вестей с ТВ. Базар не похож на скрягу, с гортанным гуденьем мух, подходит к прилавкам тело, и в тело уходит дух.

От вывесок продуктовых не время ли птицам петь? Когда из под каждой буквы торчит безмятежный клюв. И голубь о стекла бьется - достало ль ему корпеть? А-то бы, как на Сан Марко, раскатывать у-лю-лю.

Дождливый прононс неспешный всосала беззвучно пыль, и тучен анфас высоток, очерчивающих предел, который пройти глазами, что скжечь напоследок пыль, и даже в трамвайному кресле едва остаешься цел.

От дыма машин верблужьих дыханье в зобу зашло, и скорый не даст поблажек, но смоюсь ему назло куда-нибудь, где без лишних напастей с утрячка на клев, а-ля руссоист давнишний, на дикий орешник слов.

* * *

Мигающий и голос подающий, с утра заполоняющий сознанье, продолженный донельзя, вездесущий, дающийся как зуд напоминанья.

Он в комнату врывается гудками, пунктиром перекличек басовых, и дегтем перетрясок грузовых, от коих не закроешься руками.

Куда он приведет-то кроме Рима? В до одури набитый Колизей, в Венецию, где так необоримо желание надраться за друзей?

А если у бордюра Моисей - движенье замирает по указке, и вот она, исходная, - шизей в теперь уж бесполезной водолазке!

Он хлопотный и с гаком выхлопной, поэтому-то слог невыездной, буксующий в строфической коробке, настоящий в автомобильной пробке.

* * *

Пятнами пошел налим - аллергия на рыбалку, перенул удящий палку, кармой суточной палим.

Поплавок дрожит соском перед тем, как внутрь - броском, волны зарята на лодку, как желудок на шарлотку.

Не утяжеливший леску окунь спит на глубине, милосердная, в отместку щука скакет на блесне.

ПАМЯТИ И. Б.

Венецийской волной плесневелой холерными камнями, невской сыростью и архангельской мерзлотой, шведской пустошью зеленолицей, белозубою костью нью-йоркской, давшей корону и корни - проницатель вещей вырастающих, что под лупой, во влажном рыбьем зрачке, воспаряющий до панорамы и смотрящий поверх верхушек деревьев, шпилей башен, углов пирамид, вечный житель береговой, тоскующий вблизи потерянного рая, Александрийской выучки рождественский очевидец, утонувший в иудео-христианстве, с дыхалкой, отравленной "ЛМ", с кислородным коктейлем двух языков, толчком миокардовой мышцы высвободивший инерцию речи - элегической свежестью, широтами живописными, летописью мгновений, тонкобедренным воздухом архитектуры...

* * *

У воды покоящийся взгляд и на темное ее лицо смотрят днища прогнивших лодок ширина охваченная справа толь прибрежная остров-зрак зачерпывающий со дна

Отвлеченнное-3

зацикленного напрочь измененья.

Изменчивость настырна, как тапир, и так же, как белуга, неизбытна, кричащая, шумящая до дыр, до судороги в сердце беспрерывно.

У будущего нет иной стези, как падать постепенно в то, что было, при этом оставаясь на мази, пророчества не сдерживая пыла.

У будущего есть один конек: скупая неизменность территорий; еще один закончился денек посыпкою для сонница историй.

Повторенный и отраженный все же он канет безвозмездно в подземелье, искрошится, под лупой не найдешь, достанется кочее похмелье.

О, дайте задержаться в этом "щ-а-а-с", во рту его растягивать, как жвачку, и вслушиваться в длящегося джаз, бесценную от времени заначку!

Как если бы сухой чертополох, пришипленный к кухонной занавеске, отвесную энергию эпохи сосредоточил в крохотном отрезке.

Но звуки умирают, не дойдя до пика, превратясь в очередные, и каплями пропаща дождя вливаются в потоки земляные.

У прошлого есть жажда заключать в объятья все и требовать объятий, и быстрым осознаньем различать открывшуюся гибель вероятий.

Еще на подступах к тому, что есть, засасывать с избытком, как в воронку, и слать во всеоружье произнесть свое "уже", как приговор, в догонку.

У прошлого своя идея фикс: накладывать на все, как саван, лапу и, к прочному подверстывая икс, гонять его, как зэка по этапу.

В истории заведено блуждать на ощупь, натыкаясь на преграды, и с жаром подневольного рождать иллюзию обещанной награды.

Все - прошлое, бездонное, без пут,

Сергей Осымачкин. Из серии "Разговоры ни о чем". 1995-1996.

Оглянемся всем корпусом вперед и голову свернем на парадоксах, и в месте оборачивания йод приложим, позаимствовав из боксов.

И в толщи динамичную нырнем, и вынернем у terra неизвестной, куда и Августин поводырем не хаживал в мороке бесполезной.

Отточенное чувство, как бинокль: глядишь в него и видишь измеренья иначе недоступные, выюнок

все -
пошлое, изъеденное червем
заранее, заведомо, капут,
родженное и пожранное чревом.
Но миг солнцестояния в уме
не ведает подобной перспективы,
какие бы не клеили ему
дела и не кроили инвективы.

Кардиограммы линией летя
в действительность, глубокий вздох
щемяще
стремится увернуться, как дитя,
настаивающий на настоящем.

№ 16 1996